

Ресурсоориентированность 2.0.: кластеризация проблемы или *de manu in manum* (из рук в руки)

Аннотация: фактически множество копий было сломано относительно того, какой характер носит ресурсная зависимость России. И на кончике очередного копья данного эссе продемонстрирована насущная необходимость разбавления средними технологическими кластерами ресурсной оторочки страны.

Ключевые слова: ресурсное проклятие, рента, экономика от масштаба, «скрытые чемпионы», кластеры

Будучи совершенно не протагонистом довольно бланкетной теоретической рамки «ресурсного проклятия» (“resources curse”)? Можно стешить до заусенцев дискуссии относительности (не) благостности ресурсоориентированной экономки. Гарнир «Голландской болезни», щедро приправленный вставными новеллами *правил Хартвика* и проч. оставляет нам способность с хирургической точностью препарировать выявленные плюсы и минусы ресурсной формации хозяйствования с акцентом на импортозамещающие экстерналии.

Нигерийский пример экспоненциального роста нефтяных доходов до умопомрачительной отметки в \$ 325 млрд [1] наводит нормативный фокус на формализацию таковых «горячих петродолларов» в контуре экономической системы. Для затравки приведем несколько статистических композиций: стоимостной товарный экспорт России дает нам 9 место в мировой табели о рангах, 11% всей совокупной стоимости энергоносителей на глобальном рынке – опять-таки мы. В динамическом же разрезе энергетический экспорт асимптоматично демонстрирует циклическую картину, провалившись на **40%** в **2009** г. Существенный дефицит зарезервированных новых мощностей, а также «легких» с позиции транзакционных издержек месторождений сковывает дальнейший экспоненциальный рост. Не будем упускать из виду и рынок экспорта вооружений, а также зерновой экспортный потенциал, атрибутивно вписавшиеся в коннотации диверсификации. Но диверсификации ли?

Отойти от приставки «*петро*» многим странам вспоможествляет органический рост *средних технологических кластеров*, производительность которых льготируется через государственные гарантии. Посуди сами, доля машиностроительной продукции на мировые рынки скукожилась до 3%, а на рынке СНГ (с которым у нас так, между прочим, вполне устоявшаяся ЗСТ). Фактически, *континентальная модель Германа Симона* [2] о «скрытых чемпионах» будет артикулирована новым звучанием камертонов методологических обоснований в представленной статье.

Изящество ныне господствующих теорий экспортных рестрикций (начиная с гайдаровской гибели империи, заканчивая весьма стохастическими спорами о *V*- или *L*-образом росте) не в состоянии подменить собой стройную конструкцию ресурсного проклятия. Наша задача аддитивно инкорпорировать последнюю в российскую монетарную реальность. Ведь тиски таргетирования

инфляции схлопывают любые поползновения на экспортном поле для СМСП (субъектов малого и среднего предпринимательства). Неужели мы и далее будем дожидаться инспирирование симбиоза падения сырьевых цен с *sudden stop* внешнего финансирования? Все-таки транскрибируем *френкелевскую* спайку динамики сырьевых цен на нефть с денежно-кредитным аспектом [3]. Именно это явит нам модернизационные очертания остратки конъюнктурных осколков в теории ресурсного проклятия.

Возьмем конвенциональную модель *Свона-Солтера* с разделением на торгуемые и неторгуемые сектора, но чтобы не скатываться в чисто монетарные теоретизирования, абстрагируемся от переменных накопления капитала, ПИИ и финансовых активов. Правда, здесь нам стоит оговориться, что при определенном фронтинговании поддержки экспорта (для преодоления провала рынка ресурсной ограниченности и мягких бюджетных ограничений), в настоящее время с детерминацией объектов этой самой поддержки все обстоит довольно противоречиво. Дело в том, что «дорожные карты» тех же институтов АСИ и МЭР возводят в знаменатель ППВСО (промышленная продукция высокой степени обработки), подспудно берущей под один зонтик и машины, и оборудование, но и косметику, и парфюмерию и т.д. Ровно этим же и грешит подготовленная ВНИКИ «Национальная экспортная стратегия РФ-2030». Плюс сугубо денежно-кредитные узкие места в виде положительного счета текущих операций с рефлексивным корреляционным падением ЗВР. Все перечисленные переменные, несомненно, в первом приближении усугубляют прокрустово ложе даже зачатков проявления ресурсного проклятия.

Так как же вырваться из сковывающих обстоятельств ресурсных ограничений?

Сообразно чему, прослойку средних технологических кластеров следует оказывать посредством краткосрочного торгового финансирования (для неторгуемого сектора [non-tradables] – предэкспортное, для торгуемого [tradables] – постэкспортное). Что прямо отразится на гетероскедастичности нашей модели (здесь мы также сознательно опустим концепцию «*грязного дрейфа*» в курсовом образовании). Экспорт ресурсов приравнивается к чистому притоку импорта торгуемых товаров, $H_T QE = C_T - H_T F(L_T)$, где Q – мировая конъюнктура на commodities, E – объемы экспорта сырья, C_T – потребление торгуемых товаров, L_T – безработица в торгуемом секторе, H_T – производительность в торгуемом и сырьевом секторе. Выражение вида $H_T F(L_T)$ означает производство в торгуемом секторе (при условии $F' > 0$; $F'' \leq 0$).

В неторгуемом секторе баланс достигается через установление благоприятных позиций кластеров, способствующих емкостному расширению рынков: $C_N = H_N G(L_N)$, где, соответственно, C_N – потребление неторгуемых товаров, L_N – занятость в неторгуемом секторе, H_N – производительность в неторгуемом секторе и, наконец, по аналогии $H_N G(L_N)$ – объем выпуска ($F' > 0$; $F'' \leq 0$). Принимаем экзогенно предложение труда в одном секторе (как известно, *кластеризация* снижает издержки на поиск трудовых кадров) с постепенным наращиванием ее мобильности (*эффект Самуэльсона-Столпера*

для кластеров [4]), балансировка на рынке труда достигается $L_T + L_N = 1$. Домохозяйства, в свою очередь, максимизируют полезность $U(C_N, C_T)$ с учетом бюджетного ограничения вида $PC_N + C_T = Y$, где P – относительная цена неторгуемых товаров в терминах торгуемых и композитного национального дохода, определяемого как $Y = PH_N G(L_N) + H_T F(L_T) + H_T QE$. При оптимизации выводим, что $\frac{U_N}{U_T} = P$. Применяя функцию опосредованной эластичности, выводим: $C_N = Y / (1 + P^{\varepsilon-1})P$, где ε – степень эластичности замещения между торгуемыми и неторгуемыми товарами. Таким образом, общая формула производительности ресурсной экономики с кластерными вкраплениями «крепких середнячков» технологического бизнеса будет выглядеть следующим образом:

$$H_N G(L_N) = C_N = \frac{Y}{(1 + P^{\varepsilon-1})P} = [PH_N G(L_N) + H_T F(L_T) + H_T QE Y] / (P + P^{\varepsilon})$$

Сопряжение правила Хартвика. Чтобы не впасть в идиосинкразию относительно ресурсозависимости как константы экономической модели в России, предпримем попытку адаптировать производственные функции под нужды ресурсоориентированных кластеров (это не наследство в изводе, но прямая модернизационная повестка сродни тем же норвежской и австралийской). И в самом деле, зачем пользоваться микроскопом, пытаюсь разглядеть космос? В общем смысле, правило Хартвика детерминирует количество инвестиций в производственный капитал (здания, строения, дороги). Он проиллюстрировал, что если экономическая рента от добычи сырья полностью тратится на накопление капитала, то уровень потребления в экономике будет постоянным при условии, что производственная функция характеризуется постоянной отдачей от масштаба и отсутствует технический прогресс. И как раз функцией от масштаба в настоящее время характеризуется кластерная составляющая в России. Прямо по заветам дедушки Роберта Солоу [5].

Список использованных источников:

1. М.В. Леденева Политика национального богатства как фактор выживания в условиях глобализации // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. - 2011. - N 32. - С.12-20.
2. Г. Симон 2013. Скрытые чемпионы XXI ве-ка (стратегии успеха неизвестных лидеров мирового рынка). М.: КноРус.
3. “The Natural Resource Curse: A Survey of Diagnoses and Some Prescriptions,” in Commodity Price Volatility and Inclusive Growth in Low-Income Countries, edited by R.Arezki, et al. (IMF), 2012.
4. Е. В. Тищенко. Трудовые перетоки в кластерах фирм различных регионов: межотраслевая сетевая идентификация// Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. Тезисы I Международной научно-практической конференции. – Красноярск: РИО СибГАУ, 2009 г.

5. Solow, R.M. Intergenerational equity and exhaustible resources//
Review of Economic Studies. Symposium. - 1974 - pp. 29-45.